

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

«С КАБАКОМ И СКОМОРОХАМИ»: ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА XVI—XVII ВВ. В ЦЕРКВИ И ВО ВРЕМЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Л.Б. Сукина

Кафедра гуманитарных наук

Институт программных систем университета города Переславля
ул. Советская, 2, Переславль-Залесский, Ярославская обл., Россия, 152020

В XVI—XVII вв. в Русском государстве формируется «предписанное» православие. В документах светской и церковной власти закрепляется порядок взаимоотношений человека с верой и церковью. Но источники этого времени фиксируют и многочисленные отступления от религиозных обычаев. В статье рассматривается один из аспектов нарушения русским человеком XVI—XVII вв. норм праведного поведения — его «бесчинства» во время богослужений и церковных праздников (пьянство, драки, грубые забавы).

XVI—XVII вв. — время формирования в Русском государстве «предписанного» православия, когда в документах светской и церковной власти были закреплены нормы благочестия, определяющие порядок взаимоотношений рядового человека с православной верой и церковью. В «Домострое» — нравственно-учительном сборнике, составленном в Новгороде в конце XV — начале XVI в., и переработанном в середине XVI в. в Москве при участии духовника Ивана IV Сильвестра с учетом Стоглава, праведником считается тот, «... кто по Бозе живет, и по заповеди Господне, и по отеческому преданию, и по христианскому закону ...» (1). Постоянно растущее количество храмов, благолепие их убранства, увеличивающиеся размеры вкладов в церкви и монастыри свидетельствуют о том, что стремление к «житию праведному» было насущной потребностью людей того времени, желавших обеспечить себе и близким вечное блаженство на небесах. Но в то же время тексты Стоглава 1551 г., документы, связанные с направленной на укрепление и реформу русской православной церкви деятельностью патриархов Иосифа (1642—1652) и Никона (1652—1658), а также придворного московского кружка «ревнителей древнего благочестия», Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., решения соборов второй половины XVII в. показывают, что имели место и многочисленные отступления от православных религиозных обычаев. При их чтении вспоминаются слова одного из персонажей

Умберто Эко по поводу содержания средневековых источников: «По системе запретов можно понять, чем люди занимаются» (2). В рамках данной небольшой статьи мы сможем рассмотреть только один из аспектов нарушения русским человеком XVI—XVII вв. норм религиозного поведения — его «бесчинства» во время богослужений и церковных праздников.

Следует сразу же отметить, что такое отклонение от религиозной поведенческой нормы не было специфично для православного населения Русского государства. Аналогичные явления наблюдались и в других европейских странах в период позднего Средневековья, когда культура Души уже уходила в прошлое, а культура Разума еще не сформировалась (3).

Основы средневекового христианства — торжественный и строгий порядок церковных обрядов и авторитет духовенства — подвергались в Русском государстве XVI—XVII вв. серьезным испытаниям. «Нестроения» в благочестии выражались, главным образом, в пренебрежении к традициям православной обрядности и неуважении к служителям церкви. То, что рядовые прихожане того времени могли оскорбить любое духовное лицо, независимо от его положения в церковной иерархии, прямо в храме и даже недостойными действиями прервать церковную службу, засвидетельствовано в 57 гл. Стоглава, предусматривающей за это суровое наказание: «Аще ли кто божественным тайнам или иным святым службам совершаемым, во святую церковь вшедши, епископом и причетником, или инеем слугам церковным досаду нанесет, подобает убо сего муками казнити и в заточение посылати. Аще же и тыя божественные тайны и божественную службу смятет или совершити возбранит, и тому отмщати повелеваем, подобает главу мечем усекнути» (4).

Миряне могли вмешиваться в порядок церковных обрядов и церемоний, внося в них элементы народных обычаев, идущих от языческой старины. В тексте уложения Стоглавого собора мы находим информацию о том, что, когда у «простой чади в миру» рождались дети в сорочках (то есть вместе с плацентой), то эти сорочки родители приносили в церковь и заставляли священников держать их на престоле до шести недель как особое божье благословение семье. Собор 1551 г. строго указывал: «впредь таковые нечистоты и мерзости во святых церкви не приносить и на престол не класти...» (5).

В Стоглаве содержится и специальное запрещение «ко венчанию бы ко Святым Божиим церквам скомрахом и глупцом перед свадьбою не ходити...» (6). Со скоморохами и шутами (дурками, глупцами) отмечались в миру не только свадьбы, родины, крестины, но и крупные церковные праздники, в том числе и вовсе не веселые по смыслу. Это, видимо, было настолько привычным и обычным делом, что церковные иерархи на Стоглавом соборе даже не утруждают себя теологическими объяснениями, почему православный христианин не должен впадать в соблазн «прелестей еллинских» и допускать «хулы еретические», выражающиеся в языческих обрядах, а просто отвергают скоморошью игрища при поминании умерших в Троицкую субботу, русалии в Иванов день, Рождество и Крещенье, паление соломы, кликанье мертвых и положение соли под церков-

ный престол в Великий четверг, бесовские потехи в первый понедельник Петрова поста и др.

Скоморохи были одним из воплощений «еллинской прелести» (языческих соблазнов). Они отвлекали внимание мирян от их обязанностей перед церковью, а приходскому духовенству было трудно конкурировать с ними в борьбе за влияние на эмоциональный мир простых людей. В Стоглаве церковь обращается за помощью к светской власти. Но, возможно, то обстоятельство, что скоморохи нарушают благочестивое настроение паствы, не могло служить веским аргументом для обоснования необходимости гонений против них. Поэтому собор приговорил, что православный царь волен обойтись со скоморохами по своему усмотрению, так как их стало слишком много, и они приносят прямой ущерб сельскому хозяйству и торговому делу: «... совокупяся ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают» (7).

В «Домострое» любителям скоморохов и их игрищ с плясками и игрой на музыкальных инструментах во время христианских праздников обещались адские муки после смерти и церковное проклятие при жизни (8).

Но усилия русской церкви в борьбе с проявлением языческих праздничных традиций и против нарушения порядка в храмах, предпринятые в середине XVI в., не имели серьезных последствий. Представления скоморохов с музыкой, дрессированными животными (медведями, собаками, козами), плясками, паяничаньем, фокусами, кукольным райком и спустя столетие собирали немало зрителей в селах и городах в воскресные и праздничные дни, сразу же после торжественного богослужения в храмах, а нередко и во время службы. Скоморохов по-прежнему приглашали на свои домашние торжества представители разных социальных слоев населения. Так, Голштинский посол в Россию Адам Олеарий в своем «Описании путешествия в Московию» упоминает о первой встрече со скоморохами в Ладоге: «Здесь мы услышали первую русскую музыку <...>, когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин» (9).

Пьяные гулянья со скоморохами, аналогичные языческим тризнам, продолжали устраиваться и на кладбищах. Еще в Стоглаве говорилось о том, что «в Троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужики и жены и плачутся по гробом с великим кричаньем. И егда начнут играти скоморохи гудци и перегудницы, они же, от плача преставшее, начнут скакати и плясати и долони бити и песни сотонинские пети...» (10). Царский указ 1627 г. запрещал москвичам собираться «на безлепицу» с кабаком за старым Ваганьковым кладбищем (11). Нарушителей следовало задерживать и бить кнутом на торговых площадях. Патриарх Филарет своим указом 1627 г. запрещал в селах и городах любые игрища и колядования в праздники (12).

Отмеченные в Стоглаве нарушения священнослужителями и мирянами правил поведения в храмах и монастырях во время богослужений и сразу после них имели место и в дальнейшем. Об этом, например, свидетельствует царская грамота от 11 мая 1629 г. ярославскому Толгскому монастырю, где говорится, что игумен Серапион обращался с челобитьем к воеводе Дмитрию Васильевичу Лодыгину и дьяку Василью Ларионову, в котором жаловался на ярославцев, приезжавших к стенам монастыря в престольный праздник Богородицы Толгской с кабаком и хмельными напитками (13). Составленная патриархом Иосифом «Память тиуну Манойлову» 1636 г. констатирует, что и по прошествии стольких лет после Стоглавого собора даже в московских храмах священники не соблюдают соборных установлений сами и не поучают мирских людей нормам благочестия. Нерадивые пастыри, небрежно ведущие богослужение и потакающие своим «пьянственным нравам» и «лености», не могут правильно влиять на паству. Миряне при таких священниках «с бесстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобныя с смехотворением», поповские и мирские дети играют в алтаре во время службы, а «шпыни» устраивают в церквях драки и «великую смуту и мятеж», задевая молящихся бранными словами, неизвестные люди собирают с присутствующих в храме деньги, якобы на строительство церквей, настоящие и ложные юродивые и нищие «в церквях ползают, писк творяще, и велик соблазн полагают в простых человецех» (14). В другой грамоте патриарха Иосифа более позднего времени (1646) еще раз говорится о том, что в московские церкви некоторые миряне «приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывают копейца железные и бывает у них меж себя драка до крови и лая смрадная» (15).

На фоне описанной в этих источниках ситуации с соблюдением (а точнее — с несоблюдением) норм благочестия в православном храме эпизод с дракой в «немецкой кирке» жен иноземных купцов и офицеров за почетные места в церкви, так возмутивший, согласно рассказу А. Олеария, патриарха Филарета, выглядит незначительным (16). Тем не менее, он был использован церковной властью как повод для сноса протестантских «кирок» в Москве в 1632 г. Хотя протестантки-«еретички» в своем неблагочестивом поведении должны были выглядеть в глазах патриарха не лучше, но и не хуже его православной паствы. Трудно сказать, кто кому мог служить дурным примером.

Нарушения правил благочестия, грубые забавы и языческие суеверия были распространены даже при дворе новой царской династии Романовых. Один из виднейших «ревнителей древлего благочестия» духовник царя Алексея Михайловича (1645—1676) Стефан Вонифатьев вновь, как и его уже довольно далекий предшественник Сильвестр, был вынужден потратить немало усилий и красноречия для укрепления православных обычаев в окружении молодого государя. Во время женитьбы Алексея на боярышне Марии Милославской Стефану удалось настоять на том, чтобы свадебная церемония в царской семье была проведена в согласии с духом православия. Царь, подавая пример своим подданным, отказался от скоморошских игрищ и светских забав с музыкой и «студными»

песнями, и обряд совершался «в тишине и страхе Божии, и в пениях и песнях духовных» (17).

Вскоре после своего венчания на царство Алексей Михайлович лично и через посредство патриарха Иосифа предпринял ряд действий, направленных на законодательное восстановление и укрепление благочестия вверенных ему православных подданных. Во исправление нравов паствы в 1646 г. патриарх Иосиф рассылает по московским церквам наказ, в котором передает повеление царя всем духовным и мирским людям в предстоящий великий пост соблюдать все правила великопостного благочестия и «житии в чистоте со всяким воздержанием, и от пьянства и от неправд и от всякого греха удаляться», во время поста в храмах стоять «со страхом и трепетом и с любовью в молчании, без всяких шепотов» и не помышлять при этом ни о чем земном, а молиться «со слезами и со вздыханием смиренным и сокрушенным сердцем, без злобы и без гнева» (18). Об послушниках наказа и тех, кто по-прежнему будет бесчинствовать в церкви, священники обязывались докладывать самому патриарху.

В 1647 г. по всем епархиям и монастырям был разослан приговор государя, патриарха и собора священников иерархов о запрещении производить какие-либо работы и торговать с начала субботней вечерней и до окончания воскресной вечерней службы (19). Это же правило распространялось и на все праздники христорогического цикла. А в 1648 г. был издан царский указ о запрещении скоморошских игрищ, языческих обрядов и суеверий. Он предписывал православным в воскресные и праздничные дни посещать церковь, а от «бесовских игр» уклоняться. Нарушивших указ в первые два раза местным властям бить батогами, а застигнутых и после этого за занятиями чародейством, на непристойных игрищах и скоморошских гуляниях отсылать на более суровую расправу к воеводам (20).

Все эти документы нашли отражение в тексте Уложения царя Алексея Михайловича, утвержденном Земским собором в сентябре 1649 г. В девяти статьях первой главы «О богохульниках и церковных мятежниках» Уложения фактически повторены основные положения царских и патриарших распоряжений предыдущих трех лет. Обращает на себя внимание, что в отличие от статей Стоглава, практически не содержащих в себе угрожающих формулировок, насаждение и укрепление благочестия на сей раз сопровождалось жесткими мерами. Иноверец или русский православный человек, посмеявшийся «возложить хулу» на Христа, Богородицу, святой крест или на любого из сонма христианских святых, должен быть обличен и сожжен. Помешавшего свершению в церкви литургического богослужения «казнить смертью без всякой пощады». Тот, кто во время литургии или другого священного пения осмелится говорить «непристойные речи» любому представителю духовенства от патриарха до приходского священника и тем самым нарушит благолепие службы, будет подвергнут торговой казни. Если кто-то учинит в церкви драку и во время ее убьет своего противника до смерти, то и сам должен быть казнен смертью. Если же соперник зачинщика драки будет только ранен, то виновника ждет «торговая казнь без пощады».

ды», месячное тюремное заключение и двойной штраф в пользу изувеченного. В том случае, когда дело обошлось вовсе без кровопролития, «безчинник» получает порцию батогов и возмещает пострадавшему «безчестье». За оскорбление в храме словом полагался месяц тюрьмы, а оскорбленный получал возможность «доправить» на обидчике свое бесчестье, «чтобы на то смотря, в церкви Божии никакова безчинства не было» (21). Уже один из первых исследователей Уложения М. Архангельский считал, что формулировки статей этой главы были обусловлены не столько ориентацией на нормы канонического права, сколько необходимостью отреагировать на «прискорбные явления общественной жизни», падение нравов населения и пренебрежительное отношение людей даже к внешнему соблюдению норм благочестивого поведения в храме (22).

То, что первая глава Уложения мыслилась его составителями не только в качестве продолжения теоретической преамбулы, но и как «закон прямого действия», косвенно подтверждается главой десятой «О суде», в статьях которой установлен размер «платы за безчестье» черному духовенству. Оскорбление верхушки и братии крупнейших монастырей должно было обходиться обидчикам недешево. Так, архимандриту Троице-Сергиева монастыря «за безчестье» полагалось 100 рублей, келарю — 80 рублей, казначею — 70 рублей, а любому из соборных старцев — 40 рублей (23). Представители верхушки монастырей, не попавших в «лествицу» знатнейших и славнейших обителей, могли «доправить» с обидчиков суммы гораздо более скромные: архимандрит — 10 рублей, игумен — 8 рублей, казначей — 6 рублей. Рядовые старцы всех монастырей получали «за безчестье» по 5 рублей (24). Но и это были деньги немалые, на них можно было купить корову или лошадь.

Некоторые вопросы соблюдения внешних правил православного благочестия Уложение рассматривает в уже упоминавшейся выше десятой главе «О суде», статьи 25 и 26. В воскресный день, в который следует помянуть Христа, велено государевым чиновникам «никого не судити и в Приказах не сидеть, и никаких дел не делати, опричь самых нужных Государственных дел» (25). Статья 26 содержательно фактически повторяла Указ царя Алексея Михайловича 1647 г. и регламентировала работу и торговлю в праздничные и воскресные дни. Все православные христиане должны были прекращать всякие работы и торговые операции в субботу за три часа до вечера (до начала вечерней службы). В воскресный день и в «господские праздники» запрещалось работать и торговать всем, «опричь съестных товаров и конского корму». В дни крестных ходов торговля приостанавливалась до тех пор, «как из ходу со кресты придут в Соборную церковь» (26).

Светская и церковная власть Русского государства в 40-е гг. XVII в. еще более жестко, по сравнению со Стоглавом, регламентировала нормы поведения православного человека во время отправления им обязательных церковных обрядов, посещения храма. А также предписывала распределение им рабочего времени и времени отдыха, которое, в идеале, должно быть посвящено благочестивым размышлениям и участию в жизни церковной общины. Но источники

и этого, и последующего времени показывают, что данные нормативные акты часто нарушались и духовенством, и мирянами, а власть ничего не могла с этим поделать.

Так, царь Алексей Михайлович, издавший в 1648 г. указ о запрещении скоморошских игрищ, языческих обрядов и суеверий в воскресные и праздничные дни, в датированной тем же годом грамоте белгородцам вынужден был идти на компромисс с горожанами, которые во время службы в церковь не ходят, а увлекаются скоморошскими забавами с дрессированными медведями и собаками, игрой на музыкальных инструментах, плясками в «харях» (масках) и кулачными боями. Опасаясь, что радикальный призыв к благочестию пропадет втуне, Алексей Михайлович предлагает жителям Белгорода «всяких чинов» не отказываться совсем от празднества со скоморохами, но отложить игрища на вторую половину дня, после церковных служб (27).

В 1655 г. царем Алексеем Михайловичем был послан знаменитый указ архимандриту переславского Горицкого монастыря Гермогену, в котором говорилось, что в расположенном в ста с небольшим верстах от Москвы городе Переславле-Залесском «бывают прелестники со многим чародейством и волхованием и многих людей тем своим чародейством прельщают, а иные люди тех чародеев и волхвов и баб богомерзких в дом к себе принимают и к малым детям, и те волхвы над больными и младенцами чинят всякое бесовское волхование... сходятся многие люди мужского и женского полу по зарям и в ночи чародействуют с солнечного восхода первого дня луны и смотрят и в громовое громление на реках и в озерах купаются, ожидают себе от того здоровье и с серебра умываются... на святках клики бесовские кличут коледу и таусень...» (28). В указе запрещались и скоморошья игрища, которыми в городе сопровождалась все крупные церковные праздники и свадьбы. Чтобы у населения не было даже соблазна продолжать несправедную жизнь, горицкий архимандрит должен был собрать и уничтожить все находившиеся в Переславле музыкальные инструменты.

Насаждение утвержденных государством и церковью правил повседневного благочестия закончилось в Переславле-Залесском пирровой победой властей. Горожане перестали организовывать «братчины», то есть угощаться вскладчину и устраивать скоморошья игры в церковные праздники, но не отказались от привычки в эти дни пьянствовать «до бесчувствия» и бесчинствовать, только делали это не публично, а у себя дома и в гостях у родственников и знакомых. В этих бесчинствах участвовала и местная служилая знать. Так, 6 августа 1684 г. в главный соборный праздник, день Преображения Господня, в доме подьячего съезжей избы Антона Грачева случилась драка с поножовщиной, в которой участвовали воевода Д.В. Санин, губной староста И.С. Чекин, два его сына и подьячий Кузьма Щапин (29). В драке городской воевода убил сына губного старосты, но поскольку убийство произошло не в церкви, а на дому, хоть и в престольный праздник, судили Санина не за нарушение благочестия, а за уголовное преступление.

Укреплением благочестия духовенства и мирян занимались и соборы 1666—1667 гг. Подводя итог церковным реформам царя Алексея Михайловича и патри-

арха Никона в части унификации обрядов и норм поведения в храме, соборы закрепляли и развивали определения Стоглава. В дополнение к обязательным для храмов и монастырей после собора 1551 г. поминальным и вкладным книгам было принято распоряжение о ведении ими «Книги крещенных» и «Книги о супружестве, о венчанных», которые должна иметься во всех соборных церквях (30). В «Книге соборных деяний» зафиксированы запрещения «зерцал в церкви и во алтаре не имети и смотрети в них, чесати же главу и браду» (адресовано той части духовенства, которая рассматривала церковный алтарь как своего рода личные покои, в которых можно было привести в порядок свою внешность перед выходом к пастве), ругать в церкви жениха и невесту во время венчания, уносить домой из храма иконы, до этого туда добровольно принесенные (то есть вести себя в церкви как в избе у соседа или на улице) (31). Всем присутствовавшим в церкви православным повелевалось во время пения стоять «по чину», поклоны творить «по преданию и уставу», во время выноса покойника идти позади священника, а не забегать вперед него (32).

Соборами принимается и общее решение, регулирующее взаимоотношения верующих из среды духовенства и мирян с институтом приходского и монастырского храма: «Заказывати же вам [епископам — Л.С.] накрепко, и самим сего слушати со всяким прилежанием и смотрети, чтобы священноиноцы, и прочии иноцы и церковнии причетницы не упивались и в корчмы питии бы не ходили, и от сквернословия и срамословия и кощунства всякого удалялися; и мирских бы людей поучали, якоже священная правила повелевают, по вся воскресения по литургии раздав анафора (антидор), иже к церковному всякому пению приходит велели, и в церковь приношение, свечи и ладон и вино приносить завещевали, и нищим милостыню за грехи своя подавати научали, комуждо и по силе от праведнаго притяжания, а не от грабления, и обиды, и проклятого мздоимания неправеднаго; и стояли в церквях тихо и немятежно, и пению бы и чтению внимали и Господу Богу о сотавлении грехов своих молились от всея души, со умилением, и воздыханием и со слезами, и в молитвах своих поклонения во время учиненное творили со знамением на себя честнаго креста» (33).

При занявшем патриарший престол после свержения Никона патриархе Иоасафе II были предприняты меры по проведению в жизнь решений соборов 1660-х гг. (34). По храмам и монастырям рассылались патриаршие и царские грамоты, цель которых состояла в увещевании провинциального духовенства и паствы не только следовать новым обрядам, но и соблюдать церковное благочиние (35).

Одним из важнейших событий в сфере завершения новой регламентации веры и благочестия во второй половине XVII в. был церковный собор 1682 г., проведенный при патриаршестве Иоакима и инициированный царем Федором Алексеевичем (36). Наряду с внутрицерковными вопросами собор вновь был вынужден решать проблемы укрепления благонравия паствы в сфере ее поведения в храме и отношения к церковнослужителям. В очередной раз церковные власти на соборе 1682 г. продемонстрировали озабоченность состоянием образованности и нравственности рядового духовенства, которое должно было не только противостоять влиянию старообрядцев, но и подавать пастве пример

благонравия. В целях повышения авторитета духовных лиц в глазах прихожан в 1682 г. патриарх Иоаким упразднил в традиционном обряде «умовения ног» роль Иуды, которую вынужден был выполнять один из священнослужителей, тем самым невольно умаляя свое достоинство перед мирянами (37).

Решения соборов второй половины XVII в. свидетельствуют не только о продолжении движения в сторону обновления церковной жизни и религиозной организации общества, но и о существовании определенного разрыва между требованиями церкви соблюдать нормы поведения в храме и во время церковных служб и праздников и реакцией на них рядовой православной паствы. Источники каждый раз фиксируют одни и те же проблемы в сфере благочиния мирян, которые, похоже, постепенно превращались в своего рода традицию, против которой церковная и светская власти были бессильны. Ситуация не изменилась и после подчинения при Петре I самой православной веры и церкви государству. Несмотря на строгость предписаний «Духовного регламента» и прочих государственных актов, касавшихся благочестивого поведения населения России, празднования престольных праздников, крестин, венчаний и даже поминок «с кабаком и скорморохами» продолжались, как продолжались и шумные и веселые гуляния «с игрищами» и хмельными забавами у стен монастырей во многих русских городах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Домострой. — М., 1990. — С. 58.
- (2) Эко У. Маятник Фуко. — СПб., 2004. — С. 103.
- (3) Ср., например: *Праздников А.Г.* Менталитет английских горожан XIV—XV вв. // Вопросы истории. — 2008. — № 2. — С. 117—118.
- (4) Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. — СПб., 1863. — С. 187.
- (5) Там же. — С. 128—129.
- (6) Там же. — С. 136.
- (7) Стоглав // Российское законодательство X—XX веков. — М., 1985. — Т. 2. — С. 308.
- (8) Домострой. — С. 57.
- (9) Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. — Смоленск, 2003. — С. 272.
- (10) Стоглав // Российское законодательство X—XX веков. — М., 1985. — Т. 2. — С. 309.
- (11) Законодательные акты русского государства. Тексты. — Л., 1986. — С. 129. — № 155.
- (12) Там же. — С. 137. — № 164.
- (13) Царские грамоты, жалованные ярославскому Толгскому монастырю // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1897. — № 13. — С. 200—202.
- (14) Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. 3. — № 264. — С. 401—402.
- (15) Там же. — Т. 4. — № 321. — С. 481—482.
- (16) *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906. — С. 344.
- (17) *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. — М., 1869. — С. 442.
- (18) Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. 4. — № 321. — С. 481—482.
- (19) Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1842. — Т. 4. — № 6: VI. — С. 28.

- (20) Там же. — № 35. — С. 124—126.
- (21) Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подготовка текста Л.И. Ивиной. Комментарии Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха. Рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. — Л., 1987. — С. 19.
- (22) *Архангельский М.* О соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. в отношении к православной русской церкви. — СПб., 1881. — С. 41.
- (23) Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. — С. 34.
- (24) Там же. — С. 35.
- (25) Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. — М., 1913. — С. 39.
- (26) Там же. — С. 40.
- (27) *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. — М., 1978. — С. 150.
- (28) *Лебедев Д.* Собрание историко-юридических актов. — М., 1881. — № 11.
- (29) *Смирнов М.И.* Переславль-Залесский. Исторический очерк 1934 года. Переславль-Залесский, 1996. — С. 187—188.
- (30) *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. — М., 1876. — Т. 2. — С. 127—128.
- (31) Там же. — С. 234—236.
- (32) Там же. — С. 242—246.
- (33) Там же. — С. 130—131.
- (34) *Полознев Д.Ф.* Церковная реформа после патриарха Никона: соборы 1667—1682 гг. // Патриарх Никон и его время. — М., 1984. — С. 328.
- (35) См., например, «парные» грамоты царя Алексея Михайловича 11 ноября 7177 (1668) г. и патриарха Иоасафа II декабря 7177 (1668) г. Нижегородскому Желтоводскому монастырю о порядке богослужения (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. — СПб., 1891. — Т. 8. — С. 6—7; 45—47).
- (36) *Виноградский Н.* Церковный собор в Москве 1682 года: Опыт историко-критического исследования. — Смоленск, 1899.
- (37) *Смирнов П.* Иоаким, патриарх Московский. — М., 1881. — С. 26.

**«WITH TAVERN AND SKOMOROKHES»:
DEVIATIONS OF BEHAVIOR OF THE RUSSIAN MAN
OF THE XVI—XVII TH CENTURY IN THE CHURCH
AND IN TIME CHURCH FEASTS**

L.B. Sukina

Department of humanities
The Program Systems Institute
The University of Pereslavl
Sovetskaya str., 2, Pereslavl-Zalesskii, Russia, 152020

In the XVI—XVII th ct. is being formed «prescribed» orthodoxy in Russian State. The order of interrelation of the man with Orthodox Church and religious belief is being consolidated in the documents of the State and the Church. But the sources of this time fix numerous deviations from religious customs. In the article one of the aspects of violation of the norms of religious behavior (the outrages in the time of the divine service and church feasts: drinking-bout, fights, dances with skomorokhes) by the Russian man of the XVI—XVII th ct. is being researched.